

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15802

EDN: GXYXFN

Беглый пугачёвец атаман Шука (об исторической основе одного предания)

С. Ю. Королёва¹✉, А. Б. Ипполитова²

¹ *Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Пермь, Российская Федерация)*

e-mail: petel@yandex.ru✉

² *Институт славяноведения,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: alhip@yandex.ru

Аннотация. В фольклорных жанрах реальные имена, события и культурные факты включаются в стереотипные повествовательные структуры, которые иногда значительно древнее вставленных элементов. Эта особенность фольклорной поэтики не снимает вопроса о реальной основе конкретных сюжетов. Установление такой основы, в т. ч. через сопоставление с данными исторических документов, позволяет увидеть как работу уже известных повествовательных матриц, так и появление новых нарративных шаблонов. Материалом исследования, представленного в этой статье, послужили 30 вариантов преданий о первых жителях Шукинского починка — будущего русско-коми-пермяцкого села Кува в Пермском крае. Согласно наиболее популярной версии, основателями селения стали беглые пугачёвцы под предводительством атамана Шуки. От прозвища героя устная традиция производит название починка и распространенную кувинскую фамилию Шукин. Привлечение переписных документов показало, что фамилия действительно имеет местное происхождение. Как и селение, она возникла значительно раньше Пугачёвского восстания, но в предании в качестве точки отсчета выбирается узнаваемое событие «большой» истории. Одной из причин, по которой первые жители считаются бывшими пугачёвцами, разбойниками, беглыми солдатами или ссыльными, может быть документально подтвержденное наличие беглых крестьян и рекрутов среди жителей починка в середине XVIII в. Сюжет по-своему объясняет появление русских жителей на коми-пермяцкой земле и удлиняет время их пребывания на этой территории.

Ключевые слова: Урал, Емельян Пугачёв, фольклор, историзм, поэтика, предания, фольклорная генеалогия, писцовая книга, переписная книга, ревизская сказка, разбойник, первопоселенец

Для цитирования: Королёва С. Ю., Ипполитова А. Б. Беглый пугачёвец атаман Шука (об исторической основе одного предания) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 71–96. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15802. EDN: GXYXFN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15802

EDN: GXYXFN

The Fugitive Pugachevite Ataman Shchuka (on the Historical Foundation of One Legend)

Svetlana Yu. Korolyova¹✉, Aleksandra B. Ippolitova²

¹ *Perm State University
(Perm, Russian Federation)*

e-mail: petel@yandex.ru✉

² *Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: alhip@yandex.ru

Abstract. In folklore genres, real names, events, and cultural facts are incorporated into stereotypical narrative structures that are sometimes much older than the inserted elements. This feature of folklore poetics does not eradicate the question of the real-life basis of particular plots. Establishing this basis, through comparison with cadastral and census documents among other things, allows us to see both the work of already known narrative matrices and the emergence of new narrative patterns. Data for this research includes 30 versions of legends about the first inhabitants of Shchukinsky Pochinok — the future Russian-Komi-Permyak village of Kuva in the Perm region. According to the most popular version, the founders of the village were the fugitive Pugachevites led by ataman Shchuka. From the hero's nickname, oral tradition derives the first name of the village and the surname Shchukin, common in Kuva. The comparison with census documents shows that the surname is indeed of local origin. Like the village, it arose much earlier than the Pugachev Rebellion, but in the legend, a recognizable event of the “big” history is chosen as a starting point. One of the reasons why the first inhabitants are considered to be former Pugachevites, robbers, runaway soldiers or exiled persons may be the documented presence of runaway peasants and recruits among the inhabitants of Shchukinsky Pochinok in the middle of the 18th century. The plot explains in its own way the appearance of Russian settlers on the Komi-Permyak land and extends the time of their stay in this territory.

Keywords: Ural, Emelyan Pugachev, folklore, historicism, poetics, legends, folklore genealogy, land register, census book, revision tale, robber, pioneer settler

For citation: Korolyova S. Yu., Ippolitova A. B. The Fugitive Pugachevite Ataman Shchuka (on the Historical Foundation of One Legend). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 71–96. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15802. EDN: GXYXFN (In Russ.)

Современные исследования (квази)исторического фольклора

Часть русско-коми-пермяцкого села Кува́, расположенную на возвышенности, жители называют Щукино. В местной устной традиции бытуют предания, согласно которым задолго до появления села, возникшего при заводе, здесь уже существовал Щукинский починок. Основал его беглый пугачёвец атаман Щука со своими товарищами.

Можно ли говорить об исторической основе этого топонимического предания? И если да, до какой степени она может быть конкретизирована? На разных этапах развития фольклористического знания ответы на эти вопросы были бы различными. Если в начале прошлого века способность фольклора выступать в качестве исторического источника, пусть и специфического, почти не оспаривалась, то развитие структурной семиотики и последующих аналитических подходов показало, что устная традиция доносит «не столько информацию о прошлом, сколько матрицы общественного сознания, зачастую имеющие мифологический генезис» [Неклюдов, 2007: 77–78]. Обнаружилось, что историзм песенного эпоса, как и прозаических преданий, по большому счету заключается в том, что подлинные имена, топонимы и отдельные культурные реалии включаются в «весьма устойчивые и гораздо более древние повествовательные структуры» [Неклюдов, 2007: 79]. После этого «попытки соотнести фольклор и реальность на долгие годы стали выглядеть <...> антинаучными» [Белянин, Закревская: 61]. Задаваться вопросом, как именно устные тексты связаны с исторической действительностью, все еще считается не принятым [Белянин, Закревская: 63].

Однако вопрос о природе фольклорного (квази)историзма не был полностью исчерпан. Более того, сейчас интерес к этому аспекту фольклорной поэтики вновь усилился, в том числе под влиянием активно развивающихся смежных социогуманитарных направлений — исследований памяти, устной истории, изучения масс-медиа. Этим фактором отчасти определяются и актуальные аналитические ракурсы. Один из них направлен на выявление конкретных механизмов, превращающих воспоминания о пережитом событии и их пересказы в фольклорные сюжеты¹. Другой подход применяется к текстам о событиях и исторических лицах, относящихся к далекому прошлому (Степан Разин, бояре Романовы, Петр I и др.): в этом случае предметом изучения становятся использованные в повествовании готовые нарративные схемы [Неклюдов, 2016], [Захарова] и/или современные функции преданий [Куприянов, 2018a]. В таком аспекте могут рассматриваться не только аутентичные произведения, давно укорененные в локальном фольклоре, но и сюжеты, возникшие в последние десятилетия — сконструированные по запросу региональных элит, под влиянием брендинга территорий и иных текущих социокультурных процессов (курган *Олегова могила* у Старой Ладogi [Панченко, Петров, Селин], образ Рюрика в устной традиции российского Северо-Запада [Селин], фигура царицы Евдокии Стрешневой в современном фольклоре Калужской области [Куприянов, 2018b] и мн. др.).

В этой ситуации сопоставление преданий о локальных персонажах с историческими документами является тем подходом, который исследователи выбирают, кажется, нечасто. Между тем он показывает свою продуктивность, поскольку позволяет надежно подтвердить функционирование уже известных специалистам фольклорных повествовательных матриц, а также выявить новые. Даже отрицательный результат бывает показательным. Так, историк В. В. Кузнецов исследует тверское предание о «каком-то не то князе, не то богатыре Фоме», который жил в селе Фомино Городище и перекидывался

¹ Этот подход продуктивен, к примеру, по отношению к устным нарративам о Второй мировой войне ([Welzer], [Энгелькинг], [Белянин, Закревская]).

через реку палицами с богатыркой Аксиньей. Но ни одного фоминского князя с таким именем не обнаруживается [Кузнецов: 91–92]. Это может свидетельствовать либо о вымышленности персонажа, либо о фольклорной тенденции наделять «простых» основателей селений другим социальным статусом (обычно — более высоким). Изменение социальных характеристик героя-первопоселенца показано в исследовании Н. В. Петрова: анализ устных нарративов об основателе д. Исполиновка помог установить смену сословной (сын священника → купец, богатырь) и профессиональной (уездный писарь → лесник) принадлежности, произошедшей в фольклоре с вполне реальным человеком, жившим в Вологодской губернии во второй половине XIX в. [Петров]. В семейных нарративах переселенцев может сознательно заменяться исходная территория их проживания. На примере сюжета, бытующего в зоне коми-русских контактов, редкий случай выявил А. А. Чувьуров: два жителя севернорусского с. Усть-Цильма, основавшие новое селение, сохраняют в местных преданиях свои фамилии, но считаются выходцами из Сибири [Чувьуров: 83–87]. В коми-пермяцкой устной традиции сформировался свой набор сюжетов, связываемых с первоначальными жителями: строя дома, герои перебрасывают друг другу один топор, заканчивают жизнь «чудским» самопогребением в ямах и т. п. Привлечение документов показывает, однако, что даже в таких заведомо мифологизированных преданиях иногда сохраняются настоящие имена первых жителей. При этом реальные родственные связи заменяет один доминирующий мотив: первооснователи сел и деревень чаще всего считаются братьями ([Королёва, Четина: 142–147], [Королёва]).

Как и упомянутые выше работы, наше исследование нацелено на выявление исторической основы преданий об основании поселения. Материалом послужили сюжеты, бытующие в конкретной микролокальной традиции — фольклоре села Кува Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Основные записи были сделаны в 2022 и 2023 гг. в экспедиции Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ. Семейный рассказ о Щукинском починке и его первых жителях был записан в 2007 г. в экспедиции ПФИЦ УрО РАН (рук. А. В. Черных). Один текст извлечен из архивной рукописи, еще несколько

вариантов — из публикаций местных СМИ. Всего учтено 30 текстов. Для их анализа привлекаются документы 1623–1850 гг. — писцовые, переписные, ландратские книги и ревизские сказки. Большую помощь в работе с ними оказала краевед Светлана Николаевна Копытова, которой авторы выражают свою искреннюю признательность.

Нас интересует, какие факты фольклорной истории подтверждаются, а какие опровергаются документальными источниками. Привлечение переписных документов позволяет также предположить, по каким причинам сюжет о беглых пугачёвцах использовался местными жителями для рассказа о собственном прошлом. Устойчивость преданий заставляет задуматься и об актуальной прагматике этих устных нарративов.

Варианты преданий о Щукинском починке и их функции

Село Кува — бывший Кувинский чугуноплавильный завод, указ о его строительстве был подписан графом С. Г. Строгановым в 1852 г. Селение сразу формировалось как смешанное, с преобладанием русских жителей. Это были мастеровые с семьями, переселенные с Билимбаевского и других уральских строгановских заводов. Гораздо меньшую часть составляли иньвенские коми-пермяки — уроженцы соседних деревень. Документы подтверждают, что ко времени строительства предприятия там располагался починок Щукин. Он, в частности, значился в межевых книгах Иньвенской дачи 1792–1793 гг. как «селение с 4-мя дворами с 29 жителями обоего пола»². Завод просуществовал полвека и был закрыт из-за убыточности в 1909 г. Тем не менее в Куве долго сохранялась развитая для своего времени инфраструктура, работали артели, в советское время был колхоз и несколько мелких промышленных предприятий. В 1960-х гг. в селе проживало полторы тыс. чел., русское население преобладало. Постепенно ситуация изменилась. Сейчас в Куве около тысячи человек, она всё ещё считается русской, но основные ее жители — коми-пермяки, выходцы из бывших подзаводских деревень и их потомки. Заводское прошлое

² Кривощёков И. Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург: Тип. В. Н. Алексеева и П. Н. Галина, 1897. С. 84.

сохраняется в коллективной памяти кувинцев как своего рода «золотой век». Все эти подробности необходимы постольку, поскольку позволяют лучше понять роль интересующих нас преданий в устной традиции Кувы.

В полевых записях обнаруживается несколько версий, повествующих о появлении здесь первых жителей. Наиболее рационализированные (и, очевидно, поздние) нарративы учитывают заводское прошлое села. Основателями Щукинского починка иногда считают переселенных заводских рабочих:

«Щукинской починок раньше, там дальше Кува. Фамилия у них Щукины, из-за чего Щукины — я не знаю. <...> Может, приезжие какие-то были. Приехали сюда, когда вот завод тут был. Вначале здесь они, видимо, как бы открыли [поселение], а потом туда спустились»³.

В единичных случаях утверждается, что Щукино было названо в честь Гурия Малахеевича Щукина (1855–1935) — местного уроженца, заводского куренного смотрителя и садовода, причастного к закладке кувинских садов и лесопарков. Учитывая, что в XVIII в. Щукино уже существовало, оба эти варианта являются анахронизмами.

В большинстве рассказов основание починка относится к более отдаленному, дозаводскому времени. Промышленное предприятие появилось здесь поздно, в середине XIX в., так что подобные предания позволяют жителям Кувы удлинить историю своего села. Кроме того, в современной устной традиции нарративы о Щукинском починке манифестируют этническую принадлежность первопоселенцев (русские vs коми-пермяки), которую сегодняшние рассказчики считают «изначальной». Можно сказать, что фольклорная история ретроспективно выражает отношения между селом и окрестными деревнями: в преданиях починок — будущая Кува — либо возникает так же, как остальные селения, либо появляется необычным, исключительным образом, как бы изначально имея особую судьбу.

Версия «обычного» возникновения починка опирается на одну из самых популярных фольклорных ситуаций —

³ Щукина В. И., 1955 г. р., коми-пермячка, род. в д. Васюкова, прожив. в с. Кува; зап. в 2023 г.

основание соседних деревень братьями [Соколова, 1972: 211–212]. Но схема эта трансформируется: четыре брата-коми-пермяка, пришедших из какой-то местной деревни, становятся основателями одного селения:

«Это Щукинский починок тут был. Они тут все коми-пермяки были, русских-то вообще не было. Потом только, со временем [появились], а Щукинский починок — это коми-пермяцкий. Четыре домика было. <...> [А Щукины — это кто?] А вот четыре брата они были вроде бы. Вот они и это, тут жили, деревенские»⁴.

«Необычные» варианты базируются на другой известной фольклорной схеме, которая наделяет перво жителей (одного или нескольких) особыми социальными признаками: они являются этническими «чужаками», считаются беглыми/сосланными с других территорий и т. п. По мнению Н. А. Криничной, ситуации, когда основателями селения выступает социально однородная группа, характерны для сравнительно поздних преданий, возникших в XVIII–XIX вв. [Криничная: 12–13]. В кувинском фольклоре таких версий две.

В семье, имевшей тесные связи с соседним Юрлинским районом, рассказывают, что будущее село основали московские стрельцы, сосланные на Урал Петром I:

«Петровские стрельцы были. Они чё-то там при Петре I заделали, и их сюда послали. И были только две избушки. А тут уж они в землянках сначала жили. <...> До Щукино еще тут жили. А потом уже людей-то стали посылать, руду-то нашли»⁵.

Сюжет о ссыльных/беглых стрельцах, отсылающий к стрелецкому бунту конца XVII в., широко бытует у русских-юрлинцев, однако в кувинской традиции он составляет «фольклорную маргиналию» в том смысле, что не воспринимается другими рассказчиками как «свой» и не воспроизводится ими.

Наиболее популярная версия, как уже говорилось, связывает возникновение Щукинского починка с более поздним

⁴ Чугаева Н. Д., 1961 г. р., коми-пермячка, род. в д. Васюкова, прожив. в с. Кува; зап. в 2023 г.

⁵ Малаховских Н. П., 1939 г. р., русская, род. и прожив. в с. Кува; зап. в 2022 г.

историческим событием — Пугачёвским восстанием (бунтом) 1773–1775 гг.:

«И вот один из наших старожилых рассказывал, что будто бы — это легенда, конечно, — что пугачёвцы, они бежали в далекие леса, когда их Екатерина II разгромила, так скажем, это восстание, и здесь поселились. <...> И что первое поселение называлось Шишкóвичи. Типа, мол, очень много было сосен, шишки валяются... А потом, когда [тайное поселение] обнаружили, назвали Щукин-ский починок, потому что привел атаман Щука своих людей. Ну, сколько их там было человек, может, несколько, два, три, пять человек. Потом, может, обзавелись семьями, дети появились»⁶.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва нашла широкое отражение в песенном и прозаическом фольклоре народов Поволжья и Урала. Тема эта изучена (см., напр.: [Соколова, 1953: 45–56]), в т. ч. на материале горнозаводских традиций [Ахметшин: 214–246]. В современных исследованиях разрабатываются некоторые частные ее аспекты ([Волков], [Фазлутдинов], [Кульсарина]). Кувинское предание о беглых пугачёвцах может быть названо периферийным элементом этой тематической области фольклора. События Пугачёвского восстания не коснулись северной части Пермской губернии (где была расположена будущая Кува), но в них были вовлечены южные территории: пугачёвцы осаждали Екатеринбург, Кунгур, Сысерть, взяли Осу и множество других селений. Восставших поддерживали приписанные к заводам крестьяне (так, из одного только строгановского завода в Билимбае к войску Пугачёва присоединилось около трехсот мастеровых и рабочих). Часть предприятий была разрушена и лишь некоторые отбились от повстанцев⁷. Вовлеченность региона в драматичные события способствовала тому, что в устной традиции Урала *пугачёвское время* (*пугачёв год*, *пугачёвщина*) служили для населения одной из важных точек хронологического отсчета [Соколова, 1970: 113], [Чагин: 158–160].

⁶ Кладов А. М., 1957 г. р., русский, род. и прожив. в с. Кува; зап. в 2023 г.

⁷ Металлургические заводы Урала в XVII–XX вв.: энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 33, 41, 71, 95, 406, 445, 468, 522–523.

Предания о том, что беглые участники Пугачёвских походов скрывались в том или ином месте и/или стали основателями деревень, известны по всему Пермскому Прикамью и на соседних территориях⁸. В какой-то мере они опираются на исторические факты. После подавления восстания и казни Пугачёва с его ближайшими помощниками преследование бывших повстанцев по приказу императрицы было прекращено⁹. Но это не избавляло их от социальной стигматизации (клеймо «изменников» сторонники Пугачёва и их потомки носили даже в середине XIX в.) [Чагин: 158]. Естественно, что многие из них воспользовались возможностью «затеряться» на окраинных территориях.

В одном из кувинских вариантов предание о беглом атамане Щуке оказывается частью семейной истории:

«Первые поселенцы здешних мест были Щукины. Где школа, там микрорайон Щукино называется. <...> Первые поселенцы были предки моих родителей. Там стояли три дома. Примерно после разгрома Пугачёва <...>. Его команда разбежалась. Атаман Щука у них был, эти щукинцы поселились в этих краях. Они, видимо, уральские тоже были, в свои места подались, в необжитые лесные места»¹⁰.

В семейных преданиях родоначальник нередко считается переселенцем, создателем фамилии, а также производного от его имени или прозвища топонима — географического названия, как бы утверждающего единство рода и поселения. Точкой отсчета, с которой связывается жизнь предка, может выступать известное событие, особенно если оно обеспечивает причастность семейного героя к какой-либо исторической личности [Разумова: 198, 206, 243, 313]. Черты, типичные для семейных нарративов, присутствуют и в этом рассказе об атамане Щуке.

⁸ См., к примеру, вятские варианты: История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост. А. А. Ивановой. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2006. № 158, 159. С. 50–51.

⁹ Указ не распространялся на крепостных, а беглым солдатам и государственным крестьянам предписывал в отведенные сроки вернуться на место службы или прежнего проживания [Александр: 144–145].

¹⁰ Козлов М. А., 1931 г. р., коми-пермяк, прожив. в с. Кува; зап. А. В. Черных в 2007 г.

Устойчивость кувинского сюжета может объясняться тем, что в советское время Пугачёвское восстание и его предводители героизировались. Сегодня поддерживающим фактором является узнаваемость исторического события, известного как минимум из школьных курсов истории и литературы (например, «Капитанской дочки» А. С. Пушкина). Самые развернутые варианты предания записаны от выходца из семьи потомственных заводчан. Рассказчица унаследовала сказительский талант от бабушки, в репертуаре которой были сказки и поучительные истории, поэтому повествование об атамане Щуке обрастает у нее множеством подробностей (в т. ч. почерпнутых из литературы). Появляется в нем и четко выраженный конфликт: жители соседней коми-пермяцкой деревни не хотят, чтоб пришлый русский Щука и его брат женились на местных девушках:

«А вот мне бабушка рассказывала, <...> что это еще со времен Пугачёва все было. <...> И когда по распоряжению Катерины II царская охранка их здесь всех разогнала. И Пугачёва на лобном месте в Москве, значит, четвертовали там, отрубили ему голову, казнили. <...> И вот есть такое предположение, что некие казаки приехали, прибежали через леса. Поскольку здесь были непроходимые леса, топи. <...> И были два брата, видно, по прозвищу Щука [был] атаман. И вот они обосновались как раз вот в том месте, на холме. <...> Вокруг были деревни, это места поселений коми-пермяков. <...> И девушки-то начали на них заглядываться, что какие-то интересные люди появились. Совершенно иного воспитания, иной культуры. И, значит, поскольку они два молодца, видимо, были, они стали девушек присватывать. И у них возникло как бы такое соперничество. У коми-пермяцких мальчиков, мужчин, вот с этими поселенцами. <...> И, значит, пошли вот войной, войнушкой на этих на двух. Тогда вышел атаман Щука и сказал: "Братья мои, мы пришли к вам надолго. Давайте будем мириться, да дружиться, да родниться. И будем мы с вами два дружных народа. Мы отсюда никуда не уйдём, вы не надейтесь. А давайте выдайте за нас девушек своих, и будем мы жить мирно и благополучно, и, значит, детей растить и дальше это поселение развивать". <...> И потом как раз один брат тут поселился, в Щукино, а второй брат женился и перешел туда [в коми-пермяцкую деревню Вож-Пашню]. И там тоже очень много Щукиных»¹¹.

¹¹ Россомагина В. Б., 1948 г. р., русская, род. в с. Кува, прожив. в г. Кудымкар; зап. в 2022 г.

По предположению рассказчицы, именно братья или их потомки нашли местную руду, что в дальнейшем привело к строительству завода.

В этой версии множество примечательных деталей. Пугачёвцы оказываются братьями. Они не простые крестьяне, а казаки (повышение социального статуса) и по сути «культурные герои». Роль культуртрегеров подчеркивается мотивом *terra nullius* — «ничейной земли», «пустой» не только в физическом (незаселенность), но и в культурном смысле [Эткинд*: 144–148]¹²: беглые русские строят дом там, где до них была непроходимая тайга и топи (этот мотив неоднократно встречается и в других кувинских рассказах о Щукинском починке¹³). Возникший матримониальный конфликт имеет этническую подоплеку, но разрешается призывом к объединению и дружбе народов (*«И будем мы с вами два дружных народа»*). Отдельные детали можно считать проявлением индивидуального творчества рассказчицы. Но в целом этот нарратив не расходится с традицией, отражая коллективные идеи и ценности местного сообщества и выполняя тем самым одну из значимых функций фольклора ([Stern: 9, 22], [Bell: 69–70]).

В рассмотренных фольклорных текстах фигура Емельяна Пугачёва играет служебную роль: он выступает как временной маркер, указывающий на возможный период возникновения селения, и связывает Куву с «большой» историей. Далекое прошлое важно для рассказчиков постольку, поскольку помещается ими в актуальный контекст — на этот механизм исследователи указывали уже не раз ([Assmann: 130], [Bird: 522]). Сюжет о беглых пугачёвцах на самом деле объясняет настоящее, а именно наличие русского села на коми-пермяцких землях. Предание создает «фольклорный прецедент» первого

¹² *А. М. Эткинд внесен Министерством юстиции России в список иностранных агентов.

¹³ Вот еще примеры его выражения: «А здесь вообще никто не жил»; «Здесь еще ничего не было на Урале-то»; «А здесь была тайга сплошная, вечная»; «Здесь вообще пустые земли [были], даже Пётр I не знал, что тут земли какие-то такие»; «Здесь было когда-то вообще болото на этом месте»; «Здесь дебри такие были, никто тут не жил. Два дома построили, и потом завод сделали, руду добывали» и т. д. «Настоящая» культура, согласно этой точке зрения, приходит сюда только вместе с русскими жителями и строительством завода.

появления русских жителей, сдвигая приход глубже в прошлое и как бы придавая их пребыванию здесь дополнительную легитимность.

Историческая основа преданий о Щукинском починке

Привлечение переписных документов позволяет выяснить, в какую эпоху на самом деле возник починок и как звали его первых жителей¹⁴. Оказывается, это селение имеет более давнюю историю, чем утверждает устная традиция. Впервые оно упоминается в переписной книге 1716 г. как безымянный «*починок за Кувой речкой*». В селении два двора, и оба пустуют:

«Двор пуст Дмитрея Артемьева сына Ладанова. Он, Дмитрей, з детьми Ильею, Григорьем и со внуком Яковом, с Ыриною, женою Авдотьей и з детьми ево Васильем, Катериною, Татьяною, з Григорьевою женою Авдотьей и з дочерью ево Агафьею <...> скитаются в мире. Двор пуст бобыля Федора Иванова сына Беляева з женою Марьею и з детьми Максимом, Леонтьем, Татьяною, Татьяною ж, Матроною, Прасковьею бежал в 713-м году»¹⁵.

Упоминание беглой семьи указывает на то, что починок существовал уже в 1713 г. — то есть за 60 лет до Пугачёвского восстания. Его первыми жителями, отразившимися в документе, были семьи Ладановых и Беляевых. Щукины среди первопоселенцев не упомянуты.

В переписи, проведенной четыре года спустя, в 1720 г., обе семьи вновь числятся в починке за Кувой речкой. Вместе

¹⁴ Эта часть исследования, проведенная авторами статьи совместно с С. Н. Копытовой, в популярной форме представлена на краеведческом сайте «История Кувы»: [Копытова С. Н.] Эволюция топонима: от починка за Кувой речкой до Кувинского завода // История Кувы [Электронный ресурс]. URL: <https://kuvahistory.ru/categoriesculture/geografiya/evolyufiya-toponima-ot-pochinka-za-kuvoy-rechkoi-do-kuvinskogo-zavoda/> (25.01.2025).

¹⁵ Книга переписная церковнослужителей, подъячих, приказчиков, крестьян, варнишных работников соленых промыслов, половников, подварников и другого населения вотчин именитых людей Строгановых в Соликамском уезде // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 376. Ч. II. Л. 1037 об. Для удобства читателей здесь и далее документы цитируются в упрощенной орфографии: вышедшие из употребления буквы заменяются современными, Ъ в конце слов опускается, титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Буквенное обозначение чисел заменено цифрами. Знаки препинания расставлены по нормам современной пунктуации.

с ними указаны и пять новых семейств: Чюгаевы, Тупицыны, Надымовы и две семьи по фамилии Щукины¹⁶. Селение растёт медленно, состав фамилий меняется. Постепенно там остаются только родственные семьи, все члены которых носят одну фамилию — Щукины. По всей видимости, это и стало причиной, по которой в ревизской сказке 1782 г. появляется второе название: *починок за Кувой рекой, она <так!> же Щукина*¹⁷. Починок разрастается до небольшой деревни и позднее составляет ядро заводского поселка. В неофициальном обиходе Кувинский завод продолжает называться Щукино даже в конце XIX в.¹⁸

Согласно кувинским преданиям, основатели починка были русскими. Найти подтверждение или опровержение этого утверждения в переписях невозможно, поскольку этническая принадлежность православного населения в них не указывалась. Кем были первопоселенцы Ладановы и Беляевы, а также первые пришедшие сюда Щукины, неизвестно. В краеведческих и исторических публикациях о Кувинском заводе, отражающих ситуацию середины XIX в., Щукино упоминается среди коми-пермяцких деревень¹⁹.

Важное место в фольклорной истории села занимает топонимический мотив. В большинстве текстов название починка выводится из прозвища или фамилии первопоселенца: *«А потом уже основатель-то этого села был атаман Щука. И оттуда Щукино пошло»; «И вот поселились там два брата по прозвищу Щука. <...> И от этого пошло название Щукинское поселение»; «около маленькой речки и решили устроить себе приют беглецы Щукины. <...> В честь первых жителей этой деревни, она называлась Щукино»* и т. п. В. К. Соколова отмечает, что в преданиях подобный тип объяснения топонимов самый

¹⁶ Сказки о государственных черносошных, монастырских крестьянах и крестьянах баронов Строгановых <...> Соликамского у. [Первая ревизия. 1720] // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3300. Л. 559 об., 560.

¹⁷ Ревизские сказки 1782 г. Пермского наместничества Соликамской округи <...> вотчин графа А. С. Строганова о состоящих дворовых людях, промысловых работниках и крестьянах. [Четвертая ревизия] // ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 659.

¹⁸ Кривощёков И. Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии... С. 84.

¹⁹ Там же. С. 84; Металлургические заводы Урала в XVII–XX вв. С. 279.

частотный и, по-видимому, самый древний. Он оказывается и наиболее достоверным, хотя в сюжетной части таких историй много вымысла [Соколова, 1972: 208, 211, 232]. В случае со Щукинским починком ревизские сказки подтверждают отантропонимическое происхождение названия, но фамилия, которая легла в его основу, принадлежит не первооснователям селения, а группе родственных семей, какое-то время единолично там хозяйствовавших. В XVI–XIX вв. у популярности отыменных топонимов имела сугубо прагматическая причина. Использование земли, рек и озер облагалось оброком или податью, что требовало их точного учета; для удобства названия поселений и угодий в переписи нередко приводились в соответствие с именами, прозвищами или фамилиями владельцев земельных участков [Полякова: 8]. Именно это и произошло со Щукинским починком.

Еще один мотив, присутствующий в кувинских преданиях, касается фамилии *Щукин*. Считается, что она произошла от прозвища *Щука* уже после того, как его носитель обосновался на здешней земле. Фамилия эта до сих пор широко распространена в селе и окрестностях. Однако она могла прийти сюда вместе со своими владельцами «в готовом виде». Был ли у фольклорного *атамана Щуки* реальный прототип — носитель прозвища, тоже помогают установить писцовые и переписные книги²⁰.

Будущий Щукинский починок впервые упоминается в 1716 г., но история местного рода Щукиных начинается значительно раньше. В писцовой книге 1623–1624 гг. фигурирует «*деревня Кува, Утева тож, на реке на Куве*» (современное село Отево²¹), а среди ее жителей числится некто *Васка Тимофеев*²² — это и есть будущий родоначальник интересующего нас семейства.

²⁰ Атаман Щука был среди донских казаков — участников Булавинского восстания 1707–1708 гг. Но слишком большая географическая удаленность говорит о том, что совпадение случайно и нужного носителя прозвища необходимо искать ближе.

²¹ Расстояние между Отево и Кувой составляет 23,6 км по прямой, см. Илл. 1.

²² Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учинённых писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132 (1623 и 1624) годов // РГБ. Ф. 256. Д. 308. Л. 143 об.

Прозвища у него пока нет, либо оно не нашло отражения в документе. В переписной книге 1647 г. рядом с Утевой указан новый «починок Новоселок ис тое ж Утевы деревни», и первым в списке жителей значится тот же крестьянин *Васка Тимофеев сын Шука*²³ — теперь уже с прозвищем. Как видим, этот человек жил гораздо раньше, чем утверждают кувинские предания, — в середине XVII в., более чем за сто лет до Пугачёвского восстания, — и в другом селении. В переписной книге 1678 г. находим сына Васки Шуки:

*«Починок на роднике за полем, а в нем во дворе Петрушка Васильев сын Шукин. У него дети Ивашка да Спирка. У Ивашки дети Ивашка ж 14 [лет] да Микитка 3 [года]. У него ж, Петрушки, внук Никитка Петров сын Шукин»*²⁴.

Прозвище отца становится фамилией сына, внуков и правнуков, происходит это в последней трети XVII в. Семью можно считать местной, она проживает относительно недалеко от той территории, где позднее возникнет Шукино.

Почему же первый Шукин, перебравшийся в будущую Куву, считается участником Пугачёвского восстания? И можно ли реконструировать возможные причины, по которым кувинцы для рассказа о начале своего села используют фольклорные образы сосланных стрельцов / беглых рекрутов / беглых ссыльных / разбойников / пугачёвцев? Для этого проследим последующие перипетии, отразившиеся в переписях.

До 1713 г. Шукины так и проживают в починке у родника на Заполье, а потом разделяются. Ландратские книги 1716 г. фиксируют, что семья Ивана Петрова сына Шукина остается на прежнем месте. Но его племянника здесь больше нет:

*«Двор пуст Никифора Петрова сына Шукина, з женою Федорою и з детьми Стефаном, Стафеем, Григорьем, Понкрантьем, Павлом, Прасковьею, Маврою бежал в 713-м году»*²⁵.

²³ Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 474. Л. 204.

²⁴ Переписная книга г. Соликамска и Соликамского уезда, переписи Ф. Бельского [1678] // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 442. Л. 756 об.

²⁵ Ландратские книги по Соликамскому уезду [1716] // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 376. Л. 1030.

Илл. 1. Фрагмент карты, на которой отмечены Кувинский завод, села Отевское и Кудымкарское.

Инвьевский лесной округ. Владения его сиятельства графа С. А. Строганова. 1903–1904 гг., сост. съемщик С. Никулин.
Из картографической коллекции И. Я. Кривошекова.
Музей истории ПГНИУ

Fig. 1. Fragment of a map showing the Kuvinsky plant, villages Otevsкое and Kudymkarsкое.

Invensky forest district. Patrimony of His Excellency Count S. A. Stroganov. 1903–1904, cartographer S. Nikulin.
From the cartographic collection of I. Ya. Krivoshchekov.
Perm State University

Правнук Васки Щуки сбежал в поисках лучшей доли и обосновался в другом селении — том самом починке за Кувой речкой, который основали семьи Ладановых и Беляевых. Беглецы обнаруживаются в первой ревизской сказке 1720 г.:

«Никифор Петров сын Щукин, сорока лет. У него дети Стефан, двадцати года, Стафий, пятнадцати, Григорей, тринадцати, Панкратей, десяти, Павел, семи лет»²⁶.

Также в починке живут семьи Ладановых, Беляевых, Чюгаевых, Тупицыных, Надымовых.

²⁶ Сказки о государственных черносошных, монастырских крестьянах и крестьянах баронов Строгановых <...> Соликамского у. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3300. Л. 596.

Третья ревизская сказка показывает, что в промежутке между 1748 и 1762 гг. в селении, где проживают Щукины, происходит несколько драматичных событий. Из деревни сбегает три брата Угрюмовых, 22-х, 14-и и 8-и лет. Крестьянин Конан Тупицын, 24-х лет, отдан в рекруты. Молодой парень Тимофей Чюгаев *«сослан по делу по указу в [с]сылку»*. Родившийся сиротой Мартемьян Чюгаев *«переведен в Сибирскую губернию на Билимбаинской <...> завод»*. Такая же участь выпадает Козме Евстафьеву сыну Щукину, отправленному на другой строгановский завод — Саткинский²⁷. Для деревни, где жило всего 20 мужчин (включая детей), концентрация неординарных событий довольно высокая. Ревизия, проведенная 20 лет спустя, также фиксирует несколько происшествий. Два жителя починка отданы в рекруты. Но есть и пополнение: в селение приехала семья *Тихона Савина сына Щукина, «бывшего в переводе из одного села Сибирской губернии на Билимбаинском <...> заводе и оттоль отпущенном за старостию»*²⁸. Бывший рабочий строгановского завода принадлежал к той ветви Щукиных, которая осталась в починке у родника на Заполье, но под старость приехал жить туда, куда постепенно перебрались все его родственники. Проведя часть жизни при уральском заводе, Тихон Щукин и его семейство, по всей видимости, должны были испытать влияние заводской культуры и в какой-то мере «обрусеть». Их переселение с другой стороны Уральских гор произошло не позднее 1773 г., до Пугачёвского восстания. Не исключено, что в дальнейшем появление новой семьи Щукиных было переосмыслено местным сообществом в категориях фольклорного нарратива (как приход «беглых», «пугачёвцев» и т. п.).

Итак, в истории Щукинского починка был своего рода кризисный период, когда среди жителей появились переведенные на завод, отданные в рекруты, отправленные в ссылку и беглые крестьяне. Это может служить объяснением, почему в преданиях первопоселенцы наделяются маргинальным

²⁷ Сказки о помещичьих крестьянах Строганова, рабочих и мастеровых людях железоделательных и медных заводов Строганова <...> Соликамского у. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3319. Л. 341–342.

²⁸ Ревизские сказки 1782 г. Пермского наместничества Соликамской округи вотчин графа А. С. Строганова <...> // ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 659–662.

социальным статусом, соотносящимся с реальными случаями из жизни селения и в то же время хорошо освоенным фольклором. В 1948 г. от старожилов записаны варианты, в которых первыми жителями названы беглые Щукины — либо из «солдат, которым надоела солдатская служба», либо из «ссылных в Сибирь и на Урал в рудники»²⁹. В некоторых текстах Щука — простой разбойник:

«Был какой-то разбойник Щука. Гулял он так по лесам, как говорится, ну, вот здесь и остановился. Вот первые домики-то он и построил здесь и назвал, название-то ему дали Щукинский починок»³⁰.

Персонажами этого же ряда являются беглые пугачёвцы — с тем важным отличием, что связь их с местными топонимом позволяет «представить окружающий ландшафт как арену, где разворачиваются те или иные исторические события» [Березович: 204].

Память о случаях, нарушающих обычный ход жизни, должна была закрепиться в устной традиции локального сообщества, но при этом не могла сохранить фактографическую точность. Механизмы фольклорной трансмиссии нацелены на передачу «не столько информации о подлинных лицах и событиях, сколько заключенных в фольклорных рассказах сообщений "культурной памяти", отобранных, структурированных и интерпретированных в соответствии с матрицами коллективного сознания своей эпохи» [Неклюдов, 2016: 15]. По этой причине народная (фольклорная) история — это всегда история символическая: локальные (квази)исторические нарративы гораздо больше говорят не о фактах прошлого, а о том, «как люди формируют свое чувство места и культурную идентичность» [Bird: 519, 542–543]. И здесь снова нужно вспомнить, что предания об основании Щукинского починка бытовали в смешанном русско-коми-пермяцком селении при Кувинском заводе. Можно предположить, что образ беглых пугачёвцев был

²⁹ История села Кувы. Воспоминания старожилов села Кувы Кудымкарского района, записанные воспитанником Юмского детдома // Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 30. Л. 2 об., 3.

³⁰ Чакилева Т. В., 1960 г. р., род. и прожив. в с. Кува; зап. в 2023 г.

особенно близок русским заводчанам: большинство из них были выходцами из Билимбая, который в годы бунта был взят повстанцами. Для тех же, кто жил на берегу Кувы до массового прихода сюда русских семей (и появления новых, «чужих» фамилий), было важно сохранить память о своем поселении как более раннем, а о фамилии Щукины — как сугубо местной, исконной. По-видимому, обе эти интенции и смогли найти воплощение в устном предании о беглом пугачёвце — атамане Щуке.

Список литературы

1. Александер Дж. Т. Емельян Пугачёв и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа: Галиуллин Д. А., 2011. 164 с. (Сер.: Башкортостан в зарубежных исследованиях.)
2. Ахметшин Б. Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа: Китап, 2001. 287 с.
3. Белянин С. В., Закревская Е. А. Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации историй о войне и холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 61–87 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54801745_11272714.pdf (01.03.2025). DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87. EDN: PPHGKV
4. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 238 с. EDN: PXCWZR
5. Волков Е. В. К вопросу об участии оренбургских казаков в Пугачёвском восстании: историография и фольклор // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 6–13 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_65633579_74819009.pdf (01.03.2025). DOI: 10.14529/ssh240201. EDN: XNLLXI
6. Захарова О. В. Петр I в преданиях XVIII–XX вв.: сюжеты, мотивы, проблема жанра // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 75–87 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44701606_93847329.pdf (01.03.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9202. EDN: PMKZWS
7. Королёва С. Ю. Антропонимы в фольклорных преданиях о первопоселенцах (на материале Северного Прикамья) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы V Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 07–11 сентября 2022 г.) / отв. ред. О. Д. Сурикова. Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 134–140 [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116961/1/978-5-7996-3508-4_2022_024.pdf (01.03.2025). EDN: FYKYWO
8. Королёва С. Ю., Четина Е. М. Юкся, Пукся, Бора, Мока и другие «чудские родители» (о почитании первых насельников Верхнего Прикамья) // Арт. 2016. № 3. С. 131–150. EDN: UKNZUF

9. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 325, [2] с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/1.htm#2> (01.03.2025).
10. Кузнецов В. В. Существовал ли верхневолжский эпос? // Древняя Тверь — реальная и книжная / отв. ред. М. В. Строганов. Тверь: Научная книга, 2006. С. 90–103.
11. Кульсарина И. Г. Мотивы и образы башкирских исторических преданий и легенд в русской литературе XX века // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1282–1286 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17315436_55827767.pdf (01.03.2025). EDN: OOXTNB
12. Куприянов П. С. Бояре Романовы в «исторической памяти»: опыт полевого исследования // Жизнь и научный путь этнографа: мат-лы чтений памяти И. В. Власовой / отв. ред. А. В. Буганов, А. В. Фролова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 144–163. (а)
13. Куприянов П. С. Исторический персонаж как локальный бренд, или Сказочная история Дуняши Стрешневой // Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / отв. ред. Н. В. Петров. М.: Неолит, 2018. С. 107–133 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41233316_81495950.pdf (01.03.2025). EDN: GQRRWJ (b)
14. Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина / ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86. (Сер.: Studia Ethnologica.) EDN: PHDKGX
15. Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 552 с. (Сер.: Литература как традиция; 2.)
16. Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А. «Дружина пирует у берега...»: на границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор: мат-лы и исслед. / отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 82–91. EDN: BSIHWG
17. Петров Н. В. Дело об Исполине: история нарратива, человека и праздника // Genius Loci: сб. ст. в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / отв. ред. О. Б. Христофорова. М.: Форум, 2016. С. 404–434. (Сер.: Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика.) EDN: TQHFHL
18. Полякова Е. Н. Развитие пермских отыменных топонимов в Прикамье XVI–XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 7–16 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15124034_58203561.pdf (01.03.2025). EDN: MSYYID
19. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с. EDN: YGVOVN
20. Селин А. А. Образ Рюрика в современном пространстве Северо-Запада России // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 89–110. EDN: XWVIAZ

21. Соколова В. К. Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева // Русское народно-поэтическое творчество: мат-лы для изучения общественно-политических воззрений народа / [отв. ред. В. К. Соколова, В. И. Чичеров]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 17–56. (Сер.: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 20.)
22. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
23. Соколова В. К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор: [сб. ст.] / отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 202–233.
24. Фазлутдинов И. И. Образ Емельяна Пугачева в татарском историческом фольклоре // Филология и культура. 2024. № 2 (76). С. 214–219 [Электронный ресурс]. URL: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/632/513> (01.03.2025). DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-214-219. EDN: DBEBNN
25. Чагин Г. Н. Исторические знания народов Урала в XIX — начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. 256 с. EDN: QPVZPR
26. Чувьуров А. А. Историческая память в преданиях о первопоселенцах верхнепечорских коми // Словесность и история. 2020. № 2. С. 80–95 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44049015_31852853.pdf (01.03.2025). DOI: 10.31860/2712-7591-2020-2-80-95. EDN: KITTRL
27. Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. 2018. № 6. С. 27–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.jes.su/slav/s207987840000997-5-1-en> (01.03.2025). DOI: 10.31857/S0869544X0001763-2. EDN: YQJRDV
28. Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013. 448 с.
29. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // New German Critique. 1995. No. 65. С. 125–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://dn790000.ca.archive.org/0/items/CollectiveMemoryAndCulturalIdentity/Collective%20Memory%20and%20Cultural%20Identity.pdf> (01.03.2025).
30. Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905. EDN: DZBSBT
31. Bird S. E. It Makes Sense to Us: Cultural Identity in Local Legends of Place // Journal of Contemporary Ethnography. 2002. Vol. 31. No. 5. P. 519–547. DOI: 10.1177/089124102236541. EDN: JNEADF
32. Stern S. Ethnic Folklore and the Folklore of Ethnicity // Studies in Folklore and Ethnicity. 1977. Vol. 36. No. 1. P. 7–32. DOI: 10.2307/1498212
33. Welzer H. Re-Narrations: How Pasts Change in Conversational Remembering // Memory Studies. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 5–17. DOI: 10.1177/1750698009348279

References

1. Alexander J. T. *Emel'yan Pugachyov i krest'yanskoe vosstanie na okraine Rossii v 1773–1775 gg.* [*Emelyan Pugachev and the Peasant Uprising on the Periphery of Russia in 1773–1775*]. Ufa, Galiullin D. A. Publ., 2011. 164 p. (Ser.: Bashkortostan in Foreign Research.) (In Russ.)
2. Akhmetshin B. G. *Gornozavodskoy fol'klor Bashkortostana i Urala* [*Mining folklore of Bashkortostan and Ural*]. Ufa, Kitap Publ., 2001. 287 p. (In Russ.)
3. Belyanin S. V., Zakrevskaya E. A. How History Becomes Folklore: Folklorization Mechanisms of War and Holocaust Stories. In: *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [*Folklore: Structure, Typology, Semiotics*], 2023, vol. 6, no. 3, pp. 61–87. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_54801745_11272714.pdf (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87. EDN: PPHGKV (In Russ.)
4. Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte. Mifopoeticheskiy obraz prostranstva* [*Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect. Mythopoetic Image of Space*]. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 238 p. EDN: PXCWZR (In Russ.)
5. Volkov E. V. On the Participation of Orenburg Cossacks in the Pugachev Rebellion: Historiography and Folklore. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [*Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Social Sciences and the Humanities*], 2024, vol. 24, no. 2, pp. 6–13. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_65633579_74819009.pdf (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.14529/ssh240201. EDN: XNLLXI (In Russ.)
6. Zakharova O. V. Peter the Great in the Folklore Legends of the 18th — Early 20th Centuries: Plots, Motifs, Problem of Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 75–87. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44701606_93847329.pdf (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9202. EDN: PMKZWS (In Russ.)
7. Korolyova S. Yu. Anthroponyms in Folklore Legends About the First Settlers (Based on Material from the Northern Prikamye). In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Ekaterinburg, 07–11 sentyabrya 2022 g.) [*Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Materials of the 5th International Scientific Conference* (Ekaterinburg, September 7–11, 2022)]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2022, pp. 134–140. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116961/1/978-5-7996-3508-4_2022_024.pdf (accessed on March 1, 2025). EDN: FYKYWO (In Russ.)
8. Korolyova S. Yu., Chetina E. M. Yuksya, Puksya, Bora, Moka, and Other “Chud Parents” (About Veneration of the First Inhabitants of the Upper Prikamye). In: *Art*, 2016, no. 3, pp. 131–150. EDN: UKNZUF (In Russ.)
9. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [*Folklore Legends of the Russian North*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 325 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/1.htm#2> (accessed on March 1, 2025). (In Russ.)

10. Kuznetsov V. V. Did the Upper Volga Epic Exist? In: *Drevnyaya Tver' — real'naya i knizhnaya* [Ancient Tver in the Reality and in the Literature]. Tver, Nauchnaya kniga Publ., 2006, pp. 90–103. (In Russ.)
11. Kul'sarina I. G. Motifs and Images of Bashkir Historical Legends in the Russian Literature of the 20th Century. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2011, vol. 16, no. 4, pp. 1282–1286. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17315436_55827767.pdf (accessed on March 1, 2025). EDN: OOXTNB (In Russ.)
12. Kupriyanov P. S. Boyars Romanovs in “Historical Memory”: Experience of Field Research. In: *Zhizn' i nauchnyy put' etnografa: materialy chteniy pamyati I. V. Vlasovoy* [Life and Scientific Path of an Ethnographer: Materials of Readings in Memory of I. V. Vlasova]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., 2018, pp. 144–163. (In Russ.) (a)
13. Kupriyanov P. S. A Historical Character as a Local Brand, or the Fairy Tale Story of Dunyasha Streshneva. In: *Voobrazhaemaya territoriya: ot lokal'noy identichnosti do brenda* [Imaginary Territory: from Local Identity to Brand]. Moscow, Neolit Publ., 2018, pp. 107–133. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41233316_81495950.pdf (accessed on March 1, 2025). EDN: GQRRWJ (In Russ.) (b)
14. Neklyudov S. Yu. Notes on “Historical Memory” in Folklore. In: *AB-60: sbornik statey k 60-letiyu A. K. Bayburina* [AB-60: Collection of Articles for the 60th Anniversary of A. K. Baiburin]. St. Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2007, pp. 77–86. (Ser.: Studia Ethnologica.) EDN: PHDKGX (In Russ.)
15. Neklyudov S. Yu. *Legenda o Razine: persidskaya knyazhna i drugie syuzhety* [The Legend of Razin: the Persian Princess and Other Stories]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 552 p. (Ser.: Literature as Tradition; 2.) (In Russ.)
16. Panchenko A. A., Petrov N. I., Selin A. A. “The Squad Is Feasting by the Shore...”: on the Border of Scientific and Mythological Worldview. In: *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, vol. 30, pp. 82–91. EDN: BSIHWG (In Russ.)
17. Petrov N. V. The Case of the Giant: the History of Narrative, Man, and Holiday. In: *Genius Loci: sbornik statey v chest' 75-letiya S. Yu. Neklyudova* [Genius Loci: Collection of Articles for the 75th Anniversary of S. Yu. Neklyudov]. Moscow, Forum Publ., 2016, pp. 404–434. (Ser.: Tradition — Text — Folklore: Typology and Semiotics.) EDN: TQHFHL (In Russ.)
18. Polyakova E. N. Development of Perm Postnominal Toponyms in Prikamye in the 16th — 17th Centuries (on Cadastres and Census Books). In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 4 (10), pp. 7–16. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15124034_58203561.pdf (accessed on March 1, 2025). EDN: MSYYID (In Russ.)
19. Razumova I. A. *Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Secret Knowledge of the Modern Russian Family. Everyday Life. Folklore. History]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 374 p. EDN: YGVOVN (In Russ.)

20. Selin A. A. The Image of Rurik in the Modern Space of North-West Russia. In: *Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]*, 2016, no. 4, pp. 89–110. EDN: XWVIAZ (In Russ.)
21. Sokolova V. K. Songs and Legends About the Peasant Rebellions of Razin and Pugachev. In: *Russkoe narodno-poeticheskoe tvorchestvo: materialy dlya izucheniya obshchestvenno-politicheskikh vozzreniy naroda [Russian Folk Poetry: Materials for Studying the Socio-Political Views of the People]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, pp. 17–56. (Ser.: Proceedings of N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. New Series; vol. 20.) (In Russ.)
22. Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya [Russian Historical Legends]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russ.)
23. Sokolova V. K. Types of East Slavic Toponymic Legends. In: *Slavyanskiy fol'klor: sbornik statey [Slavic Folklore: Collection of Articles]*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 202–233. (In Russ.)
24. Fazlutdinov I. I. The Image of Emelyan Pugachev in Tatar Historical Folklore. In: *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2024, no. 2 (76), pp. 214–219. Available at: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/632/513> (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-214-219. EDN: DBEBNN (In Russ.)
25. Chagin G. N. *Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX — nachale XXI veka [Historical Knowledge of the Peoples of the Urals in the 19th — Early 21st Centuries]*. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2011. 256 p. EDN: QPVZPR (In Russ.)
26. Chuv'yurov A. A. Historical Memory in Legends about Upper Pechora Komi Pioneers. In: *Slovesnost' i istoriya [Texts and History]*, 2020, no. 2, pp. 80–95. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44049015_31852853.pdf (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.31860/2712-7591-2020-2-80-95. EDN: KITTRL (In Russ.)
27. Engel'king A. The Tale of a Polessia Village, or on the Folklorisation of the Memory on World War Two. In: *Slavyanovedenie [Slavic Studies]*, 2018, no. 6, pp. 27–46. Available at: <https://ras.jes.su/slav/s207987840000997-5-1-en> (accessed on March 1, 2025). DOI: 10.31857/S0869544X0001763-2. EDN: YQJRDV (In Russ.)
28. Etkind A. M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal Colonization. Imperial Experience of Russia]*. Moscow, NLO Publ., 2013. 448 p. (In Russ.)
29. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity. In: *New German Critique*, 1995, no. 65, pp. 125–133. Available at: <https://dn790000.ca.archive.org/0/items/CollectiveMemoryAndCulturalIdentity/Collective%20Memory%20and%20Cultural%20Identity.pdf> (accessed on March 1, 2025). (In English)
30. Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. In: *British Journal of Sociology*, 2003, vol. 54, no. 1, pp. 63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905. EDN: DZBSBT (In English)
31. Bird S. E. It Makes Sense to Us: Cultural Identity in Local Legends of Place. In: *Journal of Contemporary Ethnography*, 2002, vol. 31, no. 5, pp. 519–547. DOI: 10.1177/089124102236541. EDN: JNEADF (In English)

32. Stern S. Ethnic Folklore and the Folklore of Ethnicity. In: *Studies in Folklore and Ethnicity*, 1977, vol. 36, no. 1, pp. 7–32. DOI: 10.2307/1498212 (In English)
33. Welzer H. Re-Narrations: How Past Change in Conversational Remembering. In: *Memory Studies*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 5–17. DOI: 10.1177/1750698009348279 (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Королёва Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, зав. лабораторией теоретической и прикладной фольклористики, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ул. Букирева, 15, г. Пермь, Российская Федерация, 614068); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>; e-mail: petel@yandex.ru.

Ипполитова Александра Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения, Российская академия наук (Ленинский пр-т, 32А, г. Москва, Российская Федерация, 119334); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8008-2330>; e-mail: alhip@yandex.ru.

Svetlana Yu. Korolyova, PhD (Philology), Assistant Professor of Russian Literature Department, Head of the Laboratory of Theoretical and Applied Folkloristics, Perm State University (ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>; e-mail: petel@yandex.ru.

Aleksandra B. Ippolitova, PhD (History), Senior Researcher of the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Leninskiy prospekt 32A, Moscow, 119334, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8008-2330>; e-mail: alhip@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 22.10.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025